

Андрей Сафонов

Πλήρωμα

πλήρωμα

Андрей Сафонов
Плерома. πλήρωμα

«Издательские решения»

Сафонов А.

Περωμα. πλήρωμα / А. Сафонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832599-1

Прага, Дрезден, Кенигсберг, Питер... Платон, К. Юнг, Р. Штейнер, Ф. Ницше, В. Пелевин... Изогранный интеллектуальный лабиринт, где в безумном узле сплетаются ключевые сюжеты мировой литературы и философии. Попытка познать себя обернулась такой бездной ужаса, которую невозможно представить, если сам не побывал там. Эта история трудно умещается в голову, но все описанное действительно произошло со мной. И каждому, кто думает, что дошел до точки невозврата, я могу теперь сказать точно, что выход есть.

ISBN 978-5-44-832599-1

© Сафонов А.
© Издательские решения

Содержание

Немного об истории создания этой книги	6
Пролог	9
Плерома	10
Улица zu dem Tod	13
Книга	15
Молитва	17
Ask me.	19
Самость	21
Повешенный клоун	22
Этот катафалк не остановить...	24
Черный Петр приближается	26
Битва с Драконом	29
«Там ты снова сможешь встретить ее»	32
Станция «Дно Болото»	33
Мария	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

**Плерома
πλήρωμα
Андрей Сафонов**

© Андрей Сафонов, 2016

ISBN 978-5-4483-2599-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Немного об истории создания этой книги

Это может показаться удивительным, но почти с первых моментов осознания себя я мечтал написать книгу. Помню, как года в четыре сидел у телевизора, смотрел что-то вроде съезда депутатов и думал: «Пора, пора уже записывать, время уходит». Родители принесли тогда с завода списанные инженерные тетради, и я мучился от того, что в мире происходит так много интересного, а я до сих пор ничего не записал. Потому что еще не умел писать.

Помню, как в 5 классе выдумывал какую-то гремучую смесь о человеческой истории, тайнах космоса и жизни после смерти.

И потом этот замысел снова и снова в разных формах возникал во мне. Но в 2009 году, когда я закончил университет и женился на девушке своей мечты, старая идея вспыхнула с особенной силой. Я все более отчетливо стал понимать, что не смогу жить без цели и хотя бы иллюзии какого-то смысла. И таким смыслом для меня на время стало написание «великой книги». Вскоре стало понятно, что я не хочу просто сочинить очередную историю про выдуманных персонажей, и главным героем этой книги должен стать автор, то есть я сам. И в этой истории должно будет сплетаться все, что меня когда-то волновало: загадки судьбы, жизни и смерти, музыки, человеческой истории, космоса, архетипических символов... Временами я чувствовал необычайный восторг от ощущения сокровенного смысла, скрытого во всем. И беспомощность от того, что не мог его передать. Будучи учителем математики, я тогда сильно увлекался обратными связями и т.н. «странными петлями» – меня приводили в восторг самоорганизующиеся системы, спирали, фракталы, руки, рисующие друг друга на картине Морица Эшера, парикмахер Бертрана Рассела, стригущий в городе всех, кто не стрижет себя сам. Я чувствовал, что все это очень сильно связано с тайной самосознания, свободы, самоорганизации вселенной, и, возможно, с «высшим разумом». Но больше всего меня интересовали подобные петли в литературных сюжетах. У Борхеса есть рассказ о вавилонской библиотеке, представлявшей собой целую вселенную книг, расположенных в шестигранных комнатах, в одной из которых лежала книга, включавшая в себя все другие, но это была просто схема. В «Бесконечной книге» Михаэля Энде обратная связь более изысканна: мальчик, укравший книгу у букиниста и спрятавшийся на чердаке, с удивлением обнаруживает себя главным действующим лицом книги. Подобные самовложенные структуры используются Михаилом Булгаковым в «Мастере и Маргарите», в фильмах «Матрица», «Нирвана», «13 этаж» и многих других. Однако это все были придуманные сюжеты. Чуть дальше пошел Эдуард Лимонов, сделавший себя героем своих романов и фактически выдумавший свою судьбу. Нечто подобное хотел сделать и я, но искал другое содержание, нежели у Лимонова. Меня тоже одолевали мания величия, честолюбивые амбиции, греховные страсти и романтический зов, но всего этого было мало. Мой замысел был гораздо безумней. Мне хотелось сделать свое крохотное «я» ареной, на которой бы разыгрывалась драма всего мироздания. Территорией, где ставится вопрос об окончательном смысле всего происходящего. Это парадокс макро- и микрокосма – ведь крошечная клетка содержит информацию обо всем организме, а наше сознание способно охватить все мироздание.

Мне хотелось написать книгу, которая смогла бы реально изменить мою жизнь и жизнь окружающих.

Вскоре стало очевидно, что во внешнем мире вряд ли удастся найти то, что меня волновало. Но заглядывая в себя, я оказывался лицом к лицу с новым непостижимым миром, о котором почти ничего не знал. Везде в окружающем мире я являлся пассивным наблюдателем, и только в самом себе становился действующим лицом. Там внутри открывалось загадочное пространство, где действует таинственная воля, где эмоции порой возносятся к неведомым сферам, где мысль неотделима от реальности, там присутствует некая точка сотворения,

в которой мечта становится явью. Если окружающие меня объекты обращались ко мне своей наружной стороной, а сокровенная их суть была сокрыта (или, как говорил Иммануил Кант, «вещи в себе»), то наблюдая за своей внутренней жизнью, я оказывался как бы с изнанки бытия. Там, где объект познания одновременно является субъектом.

И как будто некий длинный коридор уводил меня из мира, который можно увидеть и потрогать, в таинственный лабиринт, ведущий к сокровенному источнику всего происходящего.

Я с жаром взялся за дело. Я перелопатил сотни книг, пересмотрел массу фильмов, поступил на философскую аспирантуру. Вспомнил всю свою жизнь, начиная с первых вспышек сознания. Занимался медитациями, осознанными сновидениями, выходил в астрал. Писал стихи и песни, чтобы хоть как-то снять творческое напряжение. Бродил по загадочным местам города, забирался на старинные чердаки, пытаюсь сделать себя приманкой для сказки, которая, казалось, только и ждала своего умелого ловца, плавая по просторам «информационного поля». Моя голова, казалось, вот-вот взорвется от переполнявших ее идей: сюжеты рождались за сюжетами, символы за символами. И когда я выходил из дома, как будто невидимый шлейф мыслей тянулся за мной, совершая титаническую работу в ноосфере.

Но несмотря на это, книга не получалась. Я снова и снова переписывал отдельные страницы, добавлял сюжетные линии, но чего-то не хватало. Никак не удавалось сложить отдельные элементы в единое целое. Я все больше понимал, что не могу подделать жизнь. Что не смогу сказать миру что-то определенное, пока не познаю этого «на своей шкуре». Я чувствовал, что между фантазией и бытием есть какая-то пропасть, которую я не могу преодолеть. И начинал догадываться, что этот переход к яви связан со страданием. Что если не будет жертвы, то мне не удастся ни понять, ни сказать ничего серьезного. С этой проблемой испокон веков сталкивалось искусство – от греческой трагедии и Данте до Достоевского и Тарковского. Но моя проблема была в том, что я категорически не хотел страдать. Я хотел наслаждаться жизнью. Более того, я стал все отчетливее понимать, что за всю свою жизнь еще не совершил ни одного настоящего поступка. Никого не спас, не защитил, никому реально не помог. Меня постоянно мучило чувство вины, мне казалось, что я паразитирую на окружающих, прожигая бесценное время. И при этом ставлю перед собой горделивые проекты, за которые не готов платить. И в конце концов я отчаялся написать эту книгу.

Но в конце 2013 -начале 2014 года со мной и моей женой произошли настолько ошеломительные (необычайные, чудовищные, прекрасные... —мне трудно подобрать слово) события, нам пришлось пройти через такую бездну ужаса, что когда мы вышли из нее, я понял, что мечта сбылась: тот сюжет, до которого я бы никогда не додумался, выдала сама судьба. «Ноосфера» ответила на мой запрос, отразив его в своих бесчисленных зеркалах. Это произошло так быстро и сверхъестественно, как я не мог и мечтать: все сложилось в одну головокружительную мозаику, сказка слилась с явью, мое «я» действительно стало сценой, на которой разыгралась главная драма человеческого существования, где мертвым узлом стянулись вопросы, о которых размышляло человечество на протяжении веков.

Хоть я и не являюсь кем-то гениальным и, упаси Господь от того, чтобы считать себя лучше остальных, но теперь я могу сказать, что действительно узнал о природе реальности нечто такое, что перевернуло все! Теперь я получил историю, в которой есть нечто, что может реально менять жизни!

То, что произошло той страшной осенью, я вспоминаю фактически каждый день, и огромная радость наполняет меня от того, что это уже позади, и я знаю, что теперь никогда не стану прежним. Моя жизнь началась с чистого листа. Это как родиться снова. Но родиться осознанно, зная зачем и куда идешь, зная тайну, которая наполняет жизнь безудержным счастьем. И скажу без ложной скромности, что подобного сюжета еще не знала мировая литера-

тура, эзотерика и философия. И мои таланты и заслуги тут не причем. Я как мог описал то, что было с нами. Возможно, у кого-то это получилось бы гораздо лучше.

Данный текст можно рассматривать как изоощренный интеллектуальный лабиринт, наподобие «Маятника Фуко» Умберто Эко или произведений Виктора Пелевина. Платон, Б. Паскаль, Ф. Ницше, Л. Гумилев, П. Флоренский, Ф. Достоевский, А. Белый, К. Юнг, Р. Штейнер, В. Зеланд, кришнаизм, буддизм, православие, Р. Докинз и С. Хокинг и многое другое повстречается в его запутанных коридорах. Но в отличие от литературы постмодерна, из нашего лабиринта есть выход.

По сути, главный вопрос, на который я хотел ответить: как же на самом деле все устроено? Можно ли за грудой красивых обложек, авторитетных имен, мудрых фраз и сотен противоречащих друг другу учений найти истину в ее первоизданном виде? Истину, которая была бы четкой, конкретной, и могла бы стать маяком в жизни? Рискну утверждать, что эту истину я нашел. Вернее, она меня нашла.

Пролог

«И тогда ты поймешь, куда вела эта спираль. Откроется сокровенная дверка, и за ней ты увидишь множество лиц, которых ты мечтал бы никогда не увидеть. Тех, кто связан с тобой неразрушимыми узами. Перед которыми тебе нужно будет дать ответ».

Внезапно все стихло, голоса, молотки и сверла за дверью смолкли. Только, как часовая бомба страшно колотится сердце, и траурный голос вещает из глубин головы:

– Не знаю, не знаю, Андрюша, есть или нет, – думай сам, надо же когда-то начинать.

– О, если бы я взял трубку, когда звонил Телемский, если бы не откусил ириску, – снова и снова цепляюсь за упущенные навеки шансы.

– О, если бы в своей жизни ты сделал все наоборот, если бы ты никогда не родился! Но это был бы уже детерминизм! Ох, воистину, Андрюша, тебе бы очень повезло, если бы ты никогда не родился. Мы бы все были СЧАСТЛИВЫ!

Что там, за этой дверью? Муки, которых еще никто никогда не испытывал, или... Мук, очевидно, не избежать, они будут даже если я останусь здесь, но если я открою им, может быть, все-таки удастся спасти её? Ту, которую так подло предал, которая уже много часов подряд читает отвратительную зомбоформулу в крошечном «портале» за шкафом... Ту, от которой зависело все. Но разве это еще она???

– Неужели ты думаешь, что нам нужно тело? – издевается зловещий голос.

...Энергия не может передаваться от более холодного тела к более горячему. Энтропия неумолимо растет, второй закон термодинамики гласит... неизбежная тепловая смерть вселенной – отчаянно путаются мысли.

– Кто там? Эй, кто там за этой дверью???

Что они скажут, как я посмотрю им в глаза, что они сделают со мной? Те, кто безмерно любят её, кто жертвовал собой ради нее, но, увы, все оказалось напрасно. Все пошло прахом из-за какого-то клоуна, беспомощного зомби, бегающего кругами и пожирающего отруби. Но что они сделают, если я останусь? Эту дверь они снесут с одного удара, а так остается хоть какой-то шанс, хоть один свободный поступок за всю жизнь – шаг навстречу мечте! Изуродованная рука со страшным шрамом, похожим на кровавую луну, поднимается, медленно опускаются засовы...

Плерома

Первая догадка появилась в Дрездене. Мы приехали туда из сказочной Праги, полной какого-то дикого отчаянного веселья. Там стояла inferнальная жара. Со всех углов доносились музыка и смех. Словно обезумевшее стадо перед кровавой бойней, люди жадно пили жизнь, будто утекающую в невидимую пробоину. Все походило на старый сюрреалистический сон: улыбчивые скелеты на часах ратуши, зовущие в свою бредовую смешную страну. Карлов Мост, уставленный каменными стражами. Арки, словно возникающие из-под земли. Кусты марихуаны, фривольно выглядывающие из окон. Люди-статуи, неожиданно оживающие и хватающие за руку. Статуи-люди, со страшной ухмылкой выглядывающие из-за углов. Таинственно подмигивающие негры-наркоторговцы. Студенты, зависшие в безумном экстатическом танце. Возможно, что-то подобное творилось в Вавилоне во время пира Вальтасара.¹

Еще вчера мы были в феерической Праге, а теперь стояли в Дрезденской картинной галерее напротив Сикстинской мадонны, заполнившей все пространство. Лена исчезла куда-то, и мы остались вдвоем с Птицей.

– Доктор Штейнер² говорил, что это духовный образ зимы. В предрождественское время земля становится как бы... мм... матерью, беременной духами природы, которые вот-вот проявятся в эфирной жизни растений... А еще он говорил, что зимой земля становится как бы... э... резервуаром для душ, которым суждено воплотиться в течение последующего года, – запинаясь, говорю я Птице, стараясь до глубины души поразить его своей эрудицией (и волнуясь от того, что это не получается). Я был новоиспеченным философом, после окончания физмата поступившим в аспирантуру на кафедру философии и логики, Птица – моим бывшим преподавателем по философии и очень загадочной личностью.

Птица многозначительно качает огромной лысой головой с черной как у шахида бородой.

– Да... наверное... это всё похоже на правду. Но есть что-то странное во всем этом... – Огромный лоб страшно морщится, словно решая некую непосильную задачу.

Вдруг он останавливается как вкопанный.

– Подожди-ка, я, кажется, понял, что это!

Я удивленно смотрю на него.

– Это Плерома³...

– Э...

– Это Полнота. Предвечная непостижимая Полнота мира, из которой все мы родом.

– Э...

– Эх, Андрюшка, ну и задачку ты мне поставил... Да ты хоть осознаешь, перед какой тайной мы стоим??? Неужели ты не понимаешь, что с этим не шутят??? Плерома – это источник, из которого разматываются по спирали все варианты развития вселенной.

– То есть и все варианты наших судеб?

– Да! Причем там все уже совершенно заранее, а это, – Птица многозначительно проводит круг по воздуху – все, что нас окружает – это рябь на поверхности этого бездонного моря.

– Пространство вариантов⁴...

¹ «Пир Вальтасара» – библейский сюжет из книги пророка Даниила, в котором описывается, как вавилонский царевич Вальтасар устроил грандиозный праздник, на котором совершил кощунство, после чего вавилонское царство было разрушено персидскими войсками, а сам царевич был убит. В настоящее время выражение является синонимом «пира во время чумы».

² Рудольф Штейнер – немецкий философ и эзотерик, создатель учения антропософия, о котором будет говориться далее.

³ Плерома – высшая полнота бытия в греческой философии. Согласно учению гностиков, плерома – это совокупность высших духовных сущностей (эонов), в которой потенциально содержатся все проявленные и непроявленные миры.

⁴ Термин из эзотерического учения В. Зеланда «Трансерфинг реальности», основанный на т.н. многомировой интерпретации из квантовой физики, в которой говорится о множественности одновременно существующих вариантов развития все-

– Именно! Вспомни наш разговор о принципе ряда, – программа уже написана за нас, и выйти из нее могут очень немногие...

На какой-то момент я выпадаю из реальности и передо мной воздухе проплывает мысленный образ – женская фигура, на миг показавшаяся из-за приоткрывшихся штор, словно посланница иного высшего мира, начинает стремительно обрастать спиралями. Каждый виток при увеличении дает еще тысячи витков, каждый из них – еще тысячи и так дальше, дальше в леденящую и будто тоскливо поющую о чем-то беспредельность. И где-то, среди бесчисленных витков, находится моя жизнь, всего лишь микроскопический завиток, нелепый завиток в кармической паутине...

Затем появился образ младенца. Душа его, вдоволь налетавшись по кухне между бабушкой и родителями, теперь приземлилась в крошечное тельце в коляске, стоящей под зимним окном. С той стороны разукрашенного морозом стекла – мама, папа и бабушка обсуждают свои уже давно решенные перестроечные проблемы. На дворе 7 января 1988 года. Мысли младенца далеко. Он видит бесчисленные спирали, кружащиеся по завьюженной, ревущей от еще невиданного никем ужаса, вселенной. Он приземляется на одну из них – это узкая, вьющаяся синей лентой дорога, по которой он катится на велосипеде. Рядом едет кто-то еще, дорога петляет среди деревьев, арок и кладбищ, пока не сворачивается кольцом. *«Отсюда выхода нет – полный ноль»* – говорит чей-то холодный голос. И действительно, у дороги уже нет ни начала, ни конца – это замкнутый круг, из которого нельзя выбраться. Раздаются чьи-то грубые крики. В темный коридор втаскивают беспомощного молодого человека.

– *И так будет, Андрюша, так будет,* – говорит леденящий душу голос, – *если за всю жизнь ты так и не поймешь...*

«Это ужасно, я не хочу, не хочу, чтобы было так!» – думает младенец, но пожелтевшая от времени страница сознания закрывается и на смену приходит другая мысль. *«Но ведь впереди еще так много времени, мама с папой меня так любят, мне так тепло и уютно»* – с такими сладостными грезами младенец погрузился в темное, но необычайно сладостное марево. Я не знаю, было это или не было, но на протяжении всей жизни мне не давали покоя эти образы младенца и спирали, что-то очень важное было в этом, казалось, вот-вот – и я смогу разгадать эту загадку.

– Посмотри на них, – выводит меня из мыслительного транса голос Птицы. Он указывает на головы младенцев, едва проступающие из облаков, – перед каждым воплощением мы все пребываем там, в лоне великой матери, среди всей полноты проявленных и непроявленных форм. Поэтому какое-то время после рождения младенец помнит обо всем. Он помнит о мире, где нет ни прошлого, ни будущего. Мире, где нет ни зла, ни добра, ни страданий, ни радости. Вся его судьба расстилается перед ним там как на ладони. Об этом прекрасно писал Платон в десятой главе Государства. Главный выбор в жизни совершается уже тогда. Однако потом, когда душа окончательно погружается в земную слякоть, она забывает об этом выборе...

Возле касс продавались прекрасные репродукции «Плеромы».

– Может купишь одну Лернеру? – Предложил Птица. Но я пожалел денег.

Сгорбленные под тяжестью опускающейся на нас тени, мы вышли из Галереи.

Весь вечер мы гуляли по кукольному Дрездену – прогулялись до вокзала мимо серых коммунистических коробок, сфотографировали Птицу рядом со статуей Мартина Лютера. Словно чьи-то удивленные раздутые лица, проплывали воздушные шары мимо Фрауэнкирхэ, пока юноша выстукивал на металлофоне «Stairway to heaven» Led Zeppelin. Далее по уютной брусчатой улочке мы спустились к набережной. Возле моста заливался джазом рояль, и разносилось щемящее девичье пение, но ничто не могло дать облегчения моей душе, парализо-

---

ленной. Похожие идеи развивал Х. Л. Борхес в рассказе «Сад расходящихся тропок». В нашей с Птицей терминологии пространство вариантов фактически совпадает с плеромой.

ванной от надвигающегося на нее ужаса. Лена сильно мерзла у Эльбы, однако, поглощенный мрачными предчувствиями, я мало на это обращал внимания. Потом мы стремительно неслись в трамвае по погружающемуся в ночь городу. Все это напоминало панорамное старинное кино. Непонятно было, какой только в нем смысл.

Вернулись в гостиницу ночью, и долго не могли найти вход. Сознание успело сфотографировать улицу – пустынную и как будто уходящую в Германию 30-х годов и далее, сквозь толщи веков, мимо дома Фауста, по кварталу алхимиков и чернокнижников в зловещую бес-предельность, откуда медленно, но верно приближается зловещая птица. Это был идеальный образ для улицы zu dem Tod⁵ из песни и книги, которую я тогда писал.

Сумерки сгущались. Как будто программа и до этого работавшая небезупречно, теперь начала давать явный сбой. То ли совесть окончательно спятила, то ли страшный информаци-онный вирус внедрился в мое сознание и разбил его на множество несвязных кусочков, отча-янно барахтающихся в пустоте. Я не мог сосредоточиться ни на чем, не мог договорить ни одну фразу до конца, задевал людей, постоянно терял вещи. Мои руки дрожали, голова повисла, как у повешенного клоуна. Искривленный рот произносил невнятные наборы слов. Птица много-значительно философствовал о стирании личности и говорящих зомби.

Для того, чтобы описать то, что произошло дальше, мне будет трудно подобрать подхо-дящие слова. Но попробую.

---

⁵ Улицы в смерть (нем).

Улица zu dem Tod

В таком состоянии я вернулся в Калининград, бывший немецкий Кенигсберг, отошедший к России после второй мировой войны. Несмотря на то, что в 1945 город подвергся страшным бомбежкам, так что от центра ничего не осталось, ему удалось сохранить мрачный дух средневекового города-крепости. Было ощущение, что город навис над пороховым складом, и одной искры было достаточно, чтобы он стремительно низвергнулся вниз.

Возле порхающего над гладью привокзальной площади памятника Михаилу Калинину, давшего городу его новое имя (играя символами, мы называли его с Птицей Ангелом Михаилом), остановился наш автобус. Было 11 вечера, ехать к моей маме в Багратионовск было уже поздно, и мы решили переночевать у нашего общего друга – Толика Гусляра, талантливого уличного музыканта, частенько разъезжающего по ночному городу на велосипеде и предлагающего свое необыкновенное творчество заезжавшимся прохожим. Что-то побуждало меня вернуться в автобус, перед тем как он тронулся, но я не послушался. Оказалось, что в очередной раз зря. По всей видимости, именно там я забыл банковскую карточку, на которой находились почти все наши сбережения (за последние две недели я ее терял и находил множество раз). И без того подавленный непомерной печалью, теперь я окончательно расклеился. Птица взвалил на спину огромный рюкзак, набитый бутылками с чешским вином, и мы пошли. Возникла была мысль взять такси, но я пожалел денег, которых и без того почти не осталось. В общем, через полчаса мы были на улице 8 марта возле дома Толика. Словно иллюстрация к некоей мистической книге, она казалась продолжением загадочной Праги. Как же много связывало меня с ней...

За 5 лет до описанных событий, еще до того как мы с Леной уехали в Питер, я принялся писать заветную книгу. Мне хотелось создать готический роман о Кенигсберге в стиле австрийского фантаста Густава Майринка⁶, и в то же время придать ему апокалиптический оттенок – попытаться уловить «дух времени», который я чувствовал сокрытым везде – в заголовках газет, новостях, фильмах – во всем этом сквозило непреодолимое предчувствие надвигающейся катастрофы⁷. Постепенно эта идея разрослась до смысла жизни, до книги книг, в которой я сам был бы главным действующим персонажем, пишущим эту же книгу, в которой пытался разгадать тайну своего «я» (а заодно и всего мироздания). Книга, как самопожирающая змея, должна была поглотить саму себя, а затем и всю мою жизнь, а также жизнь Елены, Толика, Птицы, Олди и всех близких мне людей. Получалось, что я как будто одновременно писал сюжет и проживал его. В многомерном «гильбертовом»⁸ мире романа Птице суждено было стать таинственным мудрецом, вещавшим из глубин бытия, а Толику – гениальным музыкантом, сочинившим песню, слушая которую человек приближается к своей самой сокровенной сути, к метафизической точке, в которой содержатся ответы на все вопросы. Едва ли не ключевым символом романа явилась улица «8 марта», на которой находилась скромное жилище Гусляра, доставшееся по наследству от моряка-отца.

---

⁶ Густав Майринк – австрийский писатель-экспрессионист, увлекавшийся йогой, алхимией, герметизмом и многими другими эзотерическими практиками, и пытавшийся все это использовать в своих произведениях. Долгое время прожил в Праге и посвятил ей свои ключевые романы «Голем» и «Ангел западного окна».

⁷ Саму книгу Апокалипсис я читал тогда только урывками и вряд ли что-то там понимал, но ощущение, что все это как то связано с самой сокровенной тайной моей жизни, не оставляло меня.

⁸ Давид Гильберт – великий математик из Кенигсберга, достигший больших успехов в создании многомерных математических пространств. В современной математике под пространством может пониматься, к примеру, множество переменных или функций, объединенных какими-либо искусственными законами. В своем романе я мечтал создать своего рода пространство символов.

Когда-то давным-давно, еще до того как я начал писать книгу, мы с Толиком возвращались в этот дом, после затянувшейся ночной прогулки. Надвигалось утро. Все было призрачным и странным. И тогда, вдруг, что-то как будто поплыло внутри – я словно увидел, как пред-рассветная улица уходит в другое измерение – в средневековый город полный чудес и манящих картин, где бродили люди в остроконечных шляпах и с загнутыми носами ботинок. Улица была укутана серой дымкой и охвачена какой-то сверхчеловеческой печалью, но через этот туман вдалеке, словно заря, брезжила потусторонняя непостижимая надежда. Может быть, это была надежда на то, что эта жизнь не так проста, как кажется и в ней есть нечто глубоко таинственное, нечто, что освободило бы меня от обыденности, тошнотворной как прокисший щавелевый суп. Эту улицу я сделал символом пути в самом глубоком смысле этого слова – символом духовной дороги сквозь туман майи к истинной сути всего, символом самой жизни, улицей между рождением и смертью, начинавшейся и заканчивавшейся в кромешной неизвестности. В какой-то момент я назвал ее улицей zu dem Tod или улицей в смерть. В таком случае, я шел по этой улице каждый миг. А в конце ее я решил разместить таинственного и жуткого стража порога⁹, метафизического судью перед которым придется ответить за все. Мне он представлялся зловещим силуэтом в жуткой маске с вороньим клювом, как носили врачи во время чумы, охватившей Кенигсберг в 17 веке.

После той ночной прогулки с Толиком, улица весь день маячила перед внутренним взглядом, жуткая и в то же время затягивающая как магнит. Тогда у меня родились про нее следующие строчки:

*Глаза закрываю
Вижу странную улицу
Пустынную и уходящую
В безумные головные дали.*

*Там стен кривизна
И пространство сугулится
И кто-то в длинном плаще
Несет нам печали.*

*Вдруг падает голова —
Жуткая птица
С глазами какими-то ненастоящими
Выглядывает из-за плеча и..*

---

⁹ Страж Порога – устрашающий персонаж оккультистов и эзотериков, призванный защищать сокровенную мудрость от профанов. Часто являлся олицетворением метафизического судьи, которому требуется дать отчет.

Книга

В общем-то этот стишок и стал ростком, из которого начала разрастаться книга о мистическом городе-фрактале¹⁰, городе-мандале¹¹, каждый элемент которого символизировал бы некий аспект реальности. Все эти символы собирались в гигантское метафизическое уравнение, разгадав которое, можно было бы найти главный символ, окончательный секрет бытия. Я понимал, что это звучало самоуверенно, но в том и очарование юности, чтобы ставить нереальные цели. Чтобы забраться туда, где никто еще не бывал.

Буквально через месяц после того, как я начал писать роман, моя судьба повернулась странным образом. Мой одноклассник помог нам найти комнату за 3 тысячи рублей (что даже по меркам 2009 года было очень мало) в доме, прямо напротив улицы 8 марта и дома Толика. Тогда казалось, что вся вселенная идет навстречу мне. За время последующих двух лет, проведенных там, мечта и реальность слились воедино. Моей главной задачей было выбраться в астрал¹² (в реальности которого я тогда уже убедился эмпирически), и уже там исследовать загадочную улицу zu dem Tod. Я надеялся, что там и завертится искомый сюжет.

Из раза в раз я вылетал в рассеченное деревянным крестом окно, изо всех сил греб руками к заветной цели, барахтаясь в плотном, как кисель, воздухе, но каждый раз что-то мешало мне добраться до «8 марта». Однажды сильный ветер подхватил меня и унес в противоположную сторону города – край красных черепичных крыш, и старинных гофмановских¹³ улочек. Иногда город причудливо выворачивался, и вместо заветной улицы я оказывался в совершенно другой его части, чаще всего возле похожего на языческий храм Дома Советов. В другой раз я почти добрался, но уже на подступах к улице, над лабиринтом из гаражей (которых в реальности не было), похожим на средневековую деревню, силы оставили меня и я опустился. Из-за угла выглянула страшная старуха и спросила: «Чего ты ищешь?» Я понял, что она является астральным проводником по данной местности и может меня довести туда, куда я хочу, но совершенно неожиданно для себя в каком-то демоническом экстазе я запрыгиваю на спину старухе и кричу: «Счастья! Счастья хочу! Дай мне счастья!»

В одном из выходов я встретил там музыканта Олди из группы «Комитет Охраны Тепла».¹⁴

Он сказал тогда что-то очень странное вроде: *«Эх, Андрюша, ну что же ты наделал, как же ты мог??? И ангелы, и демоны недоумевают, мы все недоумеваем. Но ладно мы, но на что ты себя обрекаешь?..»*

А однажды я шел по улицам астрального города, и все небо, куда я ни смотрел, было усеяно лунами, они висели скоплениями, как виноградные гроздья или страшные неизвестные медицине опухоли. На перекрестке я встретил чем-то знакомую женщину в белом медицинском халате со шрамом, страшно искаженным лицом. Я прошел было мимо, но что-то заставило

---

¹⁰ Фрактал – самоподобная структура в математике. Определенный элемент повторяется множество раз с различными вариациями, в результате чего появляется захватывающий дух узор. Примеры известных фракталов – ковер Серпинского, множество Мальдельброта.

¹¹ Мандала – термин Карла Юнга, обозначающий проявление структуры высшего «Я» или самости в человеческом бессознательном.

¹² Сейчас существует множество пособий о том, как можно без особых усилий испытать внетелесный опыт. Но мало говорится о том, куда это может завести. Я надеюсь, что данная книга прольет свет на этот вопрос.

¹³ Э. Т. А. Гофман – писатель из Кенигсберга. Российскому читателю известен главным образом благодаря сказкам «Щелкунчик» и «Золотой Горшок», но его рассказ «Песочный человек» или роман «Эликсиры Сатаны» можно считать родоначальниками жанра ужасов.

¹⁴ «Комитет Охраны Тепла» – легендарная рок-группа из Калининграда. Одна из первых начала играть регги в СССР. В текстах солиста Олди часто фигурирует имя Джа, что является растафарианским аналогом имени Иегова. Для Олди Джа выступает, скорее, не как объект религиозного поклонения, а как олицетворение всего прекрасного и наивысшего в жизни.

меня обернуться. В этот момент она также обернулась, и наши взгляды встретились – мертвые глаза, словно воронки, затягивали меня. Наконец она спросила с мрачной усмешкой: «Ты что, генетики не знаешь?» Сама смерть, наверное, не могла произнести это выразительнее. Что-то настолько зловещее было в ее интонации, что меня охватил парализующий ужас. Мне показалось, что она знала какую-то тайну обо мне. Я в отчаянии кричу ей: «Скажите, скажите, скажите!» Но слова застревают в глотке, словно туда заливают какую-то отвратительную холодную жидкость, я задыхаюсь и судорожно хватаюсь за белый халат.

– АНДРЕЙ! АНДРЕЙ! – откуда-то сверху доносится крик. Это испуганная жена будит меня. Любимая чудесная жена. Это было только предвестие тех ужасов, через которые ей придется пройти из-за меня...

– Ты говорил на странном жутком языке, это были как будто перевернутые слова из твоего стихотворения.¹⁵

Еще не раз ей придется меня возвращать оттуда, но не всегда это было так просто.

Итак, два года я потратил на безуспешные попытки прорваться к «улице сна». Параллельно было еще что-то: поступление в аспирантуру с математического на философский факультет, работа в школе учителем информатики, но все это касалось меня очень мало.

А потом мы неожиданно сорвались и поехали в Питер. Лена тогда окончательно оставила мысли о юридической карьере и находилось на мучительной развилке. Почти каждый день она говорила о своей якобы никчемности и непригодности, и об отсутствии смысла. Дабы дать ей оглядеться, а скорее, чтобы самому сбежать от себя, я подумал о Питере. Незадолго до того как мы заговорили о такой возможности, Лене приснился летящий к нам в окно черный памятник Петру Первому. И кто-то сказал: «Умерла наша общая мать». Рядом с черным попом они стояли у гроба. А сразу после того, как мы решили ехать, незнакомая женщина подошла к ней на улице и, ничего не зная о наших намерениях, попросила ни в коем случае не покидать область в ближайшем году.

В Питере мы познакомимся с рядом интересных людей и заработали довольно приличную по нашим понятиям сумму, которой хватило на покупку новых велосипедов и поездку в Европу. Поездка в Прагу была нашей старой мечтой – она ведь так напоминала тот самый загадочный город, живую мандалу, отражающую структуру «высшего Я» или чего-то еще поважнее. По ее загадочным улочкам Густав Майринк настойчиво водил своих сомнамбулических големов и гермафродитов¹⁶ до тех пор, пока читатель не начинал ощущать себя кем-то в этом же роде. Но поездка не принесла радости. Что-то случилось. Что-то прорвалось внутри. И черная зловонная субстанция стала заполнять душу.

И вот мы вновь идём по заветной улице: прекрасная, как Мадонна, Леночка в развеваемом голубом платье, гигантский Птица, пыхтящий под неподъемным рюкзаком спиртного, и я плетусь позади, словно живой мертвец, повешенный клоун, говорящий зомби. Заходим в похожий на средневековую конюшню двор, подъезд номер 12, заветная дверь, код 38, поднимаемся вверх по немецкой лестнице мимо закрученных спиральями перил.

– Ну все, Гусярыч, мы пришли, – докладывает Птица.

¹⁵ Незадолго до этого я записал на компьютер это стихотворение и сделал реверс, полученное звучало жутко и по-восточному: «И ачелп аз-зи теавыдлгв... Юавырказ азалг»

¹⁶ Голем – в каббалистической мифологии глиняная фигурка, оживляемая специальными заклинаниями. Гермафродит или андрогин в герметической символике обозначает высшую стадию духовного делания, совершенного человека, соединившего в себе мужское и женское начало.

Молитва

– Ага, сейчас, – словно старинная книга открывается дверь, за ней – милый, но как будто сильно постаревший Толик.

Вот мы и снова здесь! Сколько же связывало меня с этой комнатой! Она была полна воспоминаний, юных мыслей и мечтаний, многие из которых уже осуществились, а многие еще нет. Крохотная комната в коммуналке могла послужить превосходным материалом для готического писателя: карта млечного пути у окна, старый немецкий камин, стена, увешанная фотографиями и изрисованная художествами гостей. Руны, загадочные, похожие на свастики, узоры, а чуть дальше – сказочная карта, нарисованная художницей Асей, с которой встречался тогда Птица: в центре располагался холм, похожий на лицо странного существа – то ли растамана, то ли муравьеда, его огибала улица под названием «Надуманная» (не моя ли это улица zu dem Tod?). Казалось, улицы уходили за пределы рисунка, в невидимый астральный мир, окружавший пространство.

Комната давно стала для меня архетипом, скорее мифической, нежели реальной конструкцией, ведь большую часть времени я провел там мысленно, в процессе написания той, еще так и не написанной книги. Как будто сам воздух здесь был наполнен голосами и сценами из бездонной страны воображения. Впрочем, и реальность порой не уступала своей таинственностью.

В первый раз, когда я побывал здесь, Толик играл некую странную гармонию, которую он назвал «песней без слов». Несколько причудливых аккордов образовывали невозможное сочетание, какую-то неэвклидову лестницу звуков, рука ритмически поднималась с одного аккорда и опускалась на другой. Словно маятник старинных часов, она ритмически раскачивалась туда и сюда, иногда рука на доли секунды замирала, и от этого все как-то судорожно сжималось внутри. Казалось, задержишься он еще хоть капельку, случится что-то чудесное, невозможное, сотрясутся сами основы мироздания. Открывались двери восприятия. Мелодия медленно, но верно вводила в мистический транс. А потом появился голос – щемящее запредельное пение, исходящее будто бы и не от Толика, а из самого меня. «Это поет безграничный источник любви и счастья» – что-то такое промелькнуло тогда в голове.

Перед отъездом в Питер мы завезли Толику старый компьютер и остались у него ночевать – помню, как тогда выходил в подъезд, смотрел на звездный шатер и грезил о новом будущем, полном чудес и приключений, о великой космической тайне, которой хватило бы на всех, которая собирала нас вокруг себя, как магнит, тайне, которую мы все могли бы пить, как живую воду, но которая никогда бы не иссякла.

Теперь все было наоборот – я вернулся проигравшим, мучимым манией преследования и угрызениями совести. Я потерял ключи, банковскую карточку, потратил почти все деньги, так и не выполнил поставленный план – написать диссертацию, закончить заветный текст, сделать что-то хорошее для родственников. Стремительный эмоциональный подъем, начавшийся прошлой осенью, закончился стремительным спадом. Это было со мной так много раз, но теперь гораздо, гораздо серьезнее.

У Леночки болело горло, я отчаянно пытался ей как-то помочь – но все валилось из рук. Ужасный чайник с черным вековым налетом я так и не смог отмыть – только перепачкал всю раковину, в очередной раз направив на Толика гнев раздражительной соседки. Еще более подавленный от неудачи с чайником, я вернулся в комнату. Лена уже засыпала на матрасах между сломанным барабаном и мифическим городком Аси, а Птица с Толиком пили пражское вино и обсуждали творчество местного прозаика Василия Костылева¹⁷.

---

¹⁷ Здесь и далее многие имена будут изменены.

– Да Костылев – тварь! – вынес безапелляционный приговор Птица.

– Кто? – рассеянно переспросил Толик.

– Пожиратель тепла. Человек начисто лишенный сверхзадачи, вечно вьющийся вокруг творческой элиты вроде нас и питающийся ее кровью.

– Предатель, что ли?

– Ага.

– Мда... Им не позавидуешь. Я еще в детстве боялся стать предателем. Это паутину напоминает – чем больше ты будешь пытаться вырваться, тем сильнее она будет стягиваться. Кто попадает туда, уже никогда не возвращается...

Внутри меня все похолодело. Мне вдруг показалось, что это я попал в такую паутину.

– Да. Это точка без возврата. Но и поделом. Есть фатальные поступки, после которых остается только наблюдать, что с тобой будут делать, и скрежетать зубами...

Я безуспешно попытался закрыть окно, чтобы хоть как-то облегчить Ленину участь, но оно не поддавалось. В конце концов, я отчаялся и лег с ней рядом на пуфик.

«Динь-дон, ветер окон, словно тюрьма, ожидание одинокое» – вспомнилась песня Толика, которую я хотел включить в свой роман.

Птица ловким движением закрыл окно.

– Ну а так вообще, каково твое самоощущение, Гусярыч?

– Да так, на троечку. Плоховато. Знаешь, такое ощущение, словно какая-то черная тварь присосалась ко мне и подтачивает жизнь. Как червь... Я не могу понять, что это за фигня?

– Тут уж ничего не поделаешь, Толик, это удел творческой элиты – нести свой крест. Надо радоваться, что совесть у нас чиста.

– Да уж... хе-хе.

– А если совесть не чиста, это уже всё – каюк. Помнишь, как говорил Олди: «Страшно за тех, у кого все в порядке». У кого на этом витке Плеромы все может быть в порядке? Только у свиней. Самое страшное, когда душа попадает в кармическую паутину – одна ошибка порождает другую, та еще одну, и так без конца... Единственный выход – полностью обрывать причинно-следственные цепочки, но это может сделать не каждый. Людям тупым это недоступно.

Я начинаю молиться Богу. За последние годы я во что только не поверил, а если молился, то обычно Кришне, но сейчас чувствовал настоятельную потребность обратиться к Иисусу Христу.

«Господи, они же говорят про меня, про меня, они как будто сканируют меня. Господи, но если ты есть, если есть хоть какой-нибудь шанс, спаси меня, вытащи меня отсюда. Помогите мне оборвать паутину. Если я тупой, Господи, сделай меня умным, или подскажи, просто подскажи, как ее порвать, подскажи, пожалуйста... Вытащи меня отсюда! Я не могу так больше! Господи Иисусе Христе, помилуй меня, грешного, Господи Иисусе Христе, помилуй меня, грешного, Господи Иисусе, помилуй меня, грешного», – и не видно было конца и края этой молитвы отчаявшейся умирающей души. Казалось, я упирался в холодную белую стену, за которой, быть может, и был заветный ответ, но пробить которую не представлялось никаких шансов... *Господи, Иисусе Христе, помилуй меня грешного...*» – говорил я, уже засыпая...

Ask me.

В какой-то момент тело начало вибрировать, будто тысячи маленьких иголочек покалывали его, при этом я уже не чувствовал себя прикрепленным к нему, оно напоминало раздутый скафандр, одетый на меня. Я вынул руку, другую, вынул ногу и оказался на воле. Некоторое время я парил над спящими телами, а затем, недолго думая, вылетел в окно. И вот, так неожиданно-негаданно случилось то, чего я ждал так долго: улица была такая, как я ее представлял в мечтах – мрачная, но неотразимо красивая? как готическая девица, увенчанная синим покрывалом и сияющей короной из звезд. Так неожиданно, после полного поражения, когда ушла всякая надежда написать заветную книгу, моя мечта сбылась – я оказался на заветной улице.

В голове вновь заиграла загадочная песня Гусляра: *«Твой круг явиться вдруг. Пояс времен – сотканный лен. Тик-так, время пришло. Веретено закружила нить, только продолжай...»*

Стремительно надвигалась осень – пьянящий ветер, игравший оконными ставнями, как шарманкой, бросал пригоршни воды в лицо, странно курлыкали задумчивые синие птицы, а я все летел и летел, мимо похожих на антенны деревьев, мимо черепичных крыш и скрипящих ставен, мимо арок и кладбищ. Иногда я уставал и спускался, и передвигался пешком по брусчатке, любуясь средневековыми красотами. Резные арки, искривленные дома, часы идущие в обратном направлении.

«Твой дом – млечный песок, стрелки часов охраняя сон останоятся. На -наа -нанана» – причудливым узором виляла песня.

Улица поднималась все выше и выше в усеянное звездами августовское небо. Я не помню всех подробностей, но в конце-концов, улица привела меня в удивительный город словно повисший между небом и землей. Он был похож на невесту готовую к свадьбе, словно драгоценными камнями, украшенную гирляндами огней, одновременно на Кенигсберг и на Прагу, но гораздо прекрасней... Все были словно в ожидании какого-то грандиозного праздника. Я мало что запомнил оттуда – помню что бродил по городу всю ночь, общался с его прекрасными обитателями (понимая их язык), все было мне знакомо и близко... После того как вдоволь нагулялся, я вошел в узкие, украшенные замысловатой резьбой ворота и стал подниматься вверх по изогнутой словно лук улочке. Я смотрел вперед – и взгляд упирался в поворот, смотрел назад – и взгляд упирался в другой поворот, улица мне казалась гигантским вопросом, обращенным в самую сердцевину бытия. Но в какой-то момент стало ясно, что она по спирали, круг за кругом восходит над городом, по всей видимости, приближаясь к его центру. Внизу расстилались многочисленные холмы, усеянные виноградниками и крошечными домиками, кристальные озера в скалах и реки. Трудно было определить время года, казалось, все сезоны причудливо уживались в этом городе, вода хороводит вокруг таинственной горы. Когда я смотрел на восток – то видел простиравшиеся, насколько хватало глаз, белые сады. Проходя по северному склону, я видел усеянные цветами и ягодами поляны. Со скалы, нависавшей на западе открывался захватывающий дух вид на усеянные золотыми деревьями холмы.

Город¹⁸ внизу становился все меньше и меньше, приобретая все более отчетливую форму. Участки, которые внизу казались довольно прихотливо застроенными, превращались в витиеватые рисунки, затем соединялись друг с другом, образуя новый неожиданный узор. Все это походило на огромный, медленно вращающийся калейдоскоп.

Упоенный открывшейся картиной я брел все дальше и дальше, между увитых плющом стен, пока не остановился перед маленьким старичком, возникшим словно из ниоткуда. Огром-

---

¹⁸ Конечно же, я не помню город в деталях. Это примерная попытка передать то, что я увидел.

ная голова венчала атлетическое туловище. Величественное лицо, словно зимний лес, обрамляла белоснежная борода. Похожие на озера этого города, кристально голубые глаза, будто сканировали меня насквозь. Они излучали спокойствие и необычайное дружелюбие. На могучей шее висел медальон. Пока я рассматривал его, в круге медленно появилась надпись: «Ask me».

– Есть ли фатальный поступок, после которого уже ничего нельзя изменить? – начинаю я философствовать, тем временем на медальоне появляется новая надпись: «Direktly» – очевидно, старичок хочет, чтобы я не философствовал, а спросил прямо.

Я набираюсь смелости:

– Буду ли я прощен за свой грех?

Самость

После этого вопроса невидимая сила депортировала меня из города. Я очнулся в комнате у Толика: рядом лежал сломанный барабан, Асин рисунок на стене слегка напоминал о чудном космическом городе. Аудиенция закончилась. Может быть потому, что в вопросе прозвучала наглость, или потому что я задал не тот вопрос, а, вероятнее всего, из-за того что я пытался обмануть старичка, упомянув только один грех, утаив при этом все остальные.

Я был ошеломлен только что пережитым – то, о чем я раньше лишь смутно фантазировал, оказалось реальностью, превосходящей самые смелые ожидания. Ощущение наэлектризованности не проходило все утро, мысленно я все еще пребывал там – в неведомом граде, который так давно искал. Что же это было такое???

Впрочем, если верить знаменитому швейцарскому психологу Карлу Юнгу¹⁹, изучением трудов которого я тогда активно увлекался²⁰, все было предельно просто – небесный город олицетворял самость²¹, или мое высшее Я, ту личность, для которой эта была лишь маской. Согласно Юнгу, самость, как правило, проявляется как четверичная структура – ее образом может послужить крест, 4 стихии, годовой круг, разделенный на 4 части, древние города, разделенные на четыре квартала. Устройство моего города также отображало устройство этой штуковины²².

Старичок же, очевидно, являл самость в ее личном аспекте. Подобно Деду Морозу, Старрику Хоттабычу, Мерлину и Филемону²³ Юнга, мой старец был живым хранителем тайн, с которым можно было вести диалог. Мало того, диалог велся посредством медальона – уменьшенной копии города и еще одним символом самости. Пользуясь ломаным английским языком, медальон выразил готовность ответить на любой мой вопрос.

Так что для аналитической психологии все было предельно просто. Но не для меня.

---

¹⁹ Карл Юнг – швейцарский психоаналитик, автор термина «коллективное бессознательное». В отличие от Фрейда, Юнг был далек от материалистического взгляда на мир, а в своих поздних работах пришел фактически к явному оккультизму.

²⁰ Даже делал некоторые переводы писателей-постъюнгианцев для эзотерического проекта «Касталия» Олега Телемского

²¹ По Юнгу, в человеческом бессознательном существует ряд ключевых архетипов, определяющих психическую жизнь. К примеру «персона» – это внешняя сторона человеческой личности, «тень» – ее антипод, темная сторона. «Анима» и «анимус» – соответственно, женское и мужское дополнение для личности мужчины и женщины. Самость – высшая полнота человека, соединяющая в себе все противоположности. Самость может являться в сновидениях как некая симметрическая фигура или, в личном аспекте – как мудрый старец.

²² Фактически самость у Юнга совпадает с идеей Бога на индивидуальном уровне, и сравнивается с тем царством внутри нас, о котором говорится в Евангелиях. Именно ее, по мнению психиатра, олицетворяет величественная картина Небесного Иерусалима, увиденная апостолом Иоанном. Однако, несмотря на все сходства, самость радикально отличалась от библейского понимания Бога. Если там он «свет в котором нет никакой тьмы», чистая Любовь у которой не может быть никакой дружбы со злом, то, по Юнгу, уже в силу своей всеобъемлющей полноты, она должна включать в себя добро и зло, свет и тьму, Христа и антихриста.

²³ Филемон – крылатый старик, описанный в дневниках Юнга, которого он считал своим духовным учителем и олицетворением самости.

Повешенный клоун

За год до этого я увидел сон – как будто некоего молодого человека в очках, очень похожего на меня, водит на цепи преисполненный злобой мужик. Ему понадобилось зайти куда-то и он оставил меня привязанным к калитке. Каким-то чудесным образом мне удается освободиться от цепей и я бегу в глубь старинного квартала, мимо барочных дворцов, и старинных домов, перебираюсь по утопающему в тумане мосту... Там, на другом берегу меня настигает другой рабовладелец. Его металлический взгляд загнипнотизировал меня, я безропотно подставил голову, он надел на меня ошейник и мы нырнули в барочную арку с надписью «Каждому свое». Но возле арки у нас за спиной затаился мой прежний хозяин. У него в руках веревка с железным крюком. Он раскручивает ее и бросает. И в этот момент с одной стороны появляется красный крылатый медведь, а с другой жалкое, но довольно милое существо, похожее на жука. По-видимому, они пришли мне на помощь. И вот крылатый медведь взлетает, но почему-то прыгает не на рабовладельца, а на жука. Я чувствую, что это страшная ошибка...

Теперь я в точности походил на этого клоуна-раба, казалось, кто-то невидимый и злой ходил рядом и держал меня на цепи. Утренний шок от путешествия по космическому городу постепенно ушел и тьма вернулась. Весь тот день мы потратили на хождение по сберкассам. Я по много раз переписывал заявления на восстановление карты, нас отправляли из одного отделения в другое, из рук буквально валились ключи, деньги и все что еще было можно потерять. Голос дрожал, язык заплетался, кассиры с презрением смотрели на меня, будто на какое-то отвратительное говорящее зомби, словно они знали обо мне, что-то такое плохое, чего не знал я и сам... Лена неотступно следовала за мной и пыталась утешить.

Как будто огромное траурное покрывало опускалось на нас, закрывая печальное августовское небо. «Осень приходит неожиданно, как граната» – по-другому открывались для меня теперь слова Птицы.

Впрочем, клоун появился еще тогда, в середине лета. Сначала в Ленином сне, который она увидела, когда мы ехали на поезде из Питера в Калининград (о нем напишем дальше). Потом в Зеленоградске я увидел его внезапно, как будто в определенный момент кто-то просто властно повернул мою голову в его сторону. Несчастный и уродливый, он висел, повешенный на качелях, с перекошенной гримасой, словно 12 аркан Таро²⁴.

Тревожные знаки уже тогда начали сжимать меня со всех сторон, будто чей-то зловещий разум (я думал тогда, может это разум самой реальности?) вел со мной страшный диалог, пока не объявляя приговора.

Словно по команде поворачивая голову, я читал ругательства на стенах и асфальте, черные кошки постоянно перебегали дорогу, все собаки истошно лаяли на меня. Да еще и весь пляж города Зеленоградска, где жили Леночкины родители, был усеян трупами майских жуков – страшные черные холмы тянулись от Сокольников до Зеленоградска и дальше – по всей Куршской косе²⁵.

– Откуда это? Ты можешь понять Андрюша? – говорил мне Птица за месяц до этого, когда мы жгли костер на берегу с его другом-кришнаитом и Леночкой. Был третий час ночи, дул пронизывающий северный ветер (именно тогда, наверное, Лена и заболела), но мы с Птицей все не могли расстаться – все говорили и говорили, едва ли сами понимая о чем.

---

²⁴ Таро – колода из 78 карт (арканов), представляющая из себя систему оккультных символов. (многие рассматривают их как Юнговские архетипы). 12-й аркан (повешенный, жертва, предатель), обычно рассматривается либо как символ духовного переворота, либо как крайне негативная карта, означающая поражение, крах, расплату за преступление и даже самоубийство.

²⁵ Куршская коса – длинная песчаная полоса в Калининградской области, недалеко от дома Лениных родителей. Национальный заповедник.

– Это же явно не просто так, это какая-то неслыханная космическая аномалия... Но вот что интересно, Андрюша... Это ведь не саранча, это священные египетские жуки-скарабеи. За что же, как ты думаешь, Кришна мог с ними так поступить?

Непередаваемый силы трагизм отобразился на огромной, похожей на Луну, голове. А потом, словно инопланетная вспышка, осенила морщинистую поверхность задумчивой луны догадка.

– Андрюшка, кто-то завалил их духовного покровителя²⁶! По-видимому, были очень жесткие разборки в астрале. Боже мой, что же это может быть? – он поднимает похожие на искорёженные ветви руки к холодному небу.

Было очевидно одно: ничего хорошего все эти знаки не предвещали. Любопытный профессор Юнг называл такие дела синхронией²⁷ – парадоксальным совпадением физических и психических явлений, которое он вместе со своим пациентом, физиком Паули пытался объяснить с помощью квантовых законов. У меня явно начиналась бешеная, жуткая синхрония, знаки опутывали меня как паутина.

Впрочем, был один светлый момент. За несколько дней до отправления, мы шли с Леночкой по берегу моря и мечтали. Я мечтал сквозь зубы, едва ли во что-то веря. Мы говорили о жизни полной смысла, о любящих друзьях, о том, чтобы Лена стала старшим воспитателем в вальдорфском²⁸ детском саду, о том, чтобы свозить мою маму в Питер, в гости к ее университетской подруге, тете Ире, чтобы у ее родителей жизнь радикально изменилась к лучшему.

А перед самым нашим отъездом, умерла моя двоюродная бабушка. Последний день мы провели в трауре, среди рыдающих родственников и могильных плит. В сборах я принимал сомнительное участие: перекладывал вещи с места на место, терял и долго искал, находил и снова терял, вынимал из чемодана то, что уже было положено туда, потом снова туда клал. В общем, каким-то чудом, несмотря на все мои усилия, Лене удалось собрать багаж.

Огромные тучи со всех сторон сжимали крошечный город. Тоскливо стучали колеса чемодана по брусчатке предрассветной улицы. Мама казалась как никогда печальной. Всегда, когда мы прощались, приходила страшная мысль: а не последний ли это раз? Однако теперь он звучал как-то особенно тревожно.

Нас ждал мрачный неуютный Питер, а в нем еще более мрачная и неуютная неизвестность: мне нужно было закончить диссертацию по Льву Гумилеву, которую толком и не начал, пройти практику, добыть денег, поскольку после Праги мы остались фактически с пустыми карманами, найти новое жилье. И при этом черная гадость все сильнее заполняла душу. Бесконечные угрызения совести и сожаления об упущенных возможностях.

Был еще один знак интересный для понимания дальнейших событий: во время последнего приезда в Зеленоградск я захлопнул велосипед на замок, а про ключ совсем забыл, пришлось бегать по всему городу за щипцами и перекусывать, повезло в одном, что замок был некрепкий.

---

²⁶ Представление о том, что у животных популяций есть свои духовные покровители, присутствует в различных эзотерических системах, Птица же подобными идеями просто игрался.

²⁷ Под синхронией Юнг понимал любую связь, обусловленную не причинно-следственными законами, а чем-то иным. В качестве примера он приводил случай, когда его пациентка рассказывала ему сон, где фигурировало редкое насекомое, и в этот момент насекомое этого вида появилось с той стороны окна.

²⁸ Вальдорфская педагогика – методика разработанная философом и оккультистом Штейнером на основании его «духовной науки» антропософии.

Этот катафалк не остановить...

Поезд давно перестал быть для меня тем, чем был в детстве или во время первых поездок с Леной в большую Россию. Тогда он казался волшебной стрелой, рассекающей время, вырванным из занудного физического континуума пространством, где под равномерный стрекот колес непрестанно рождались контуры долгожданного будущего. Большие мечты, от которых щемило сердце. А, во время ночной остановки в Белоруссии, звездное небо казалось каким-то особенно огромным, зовущим в свои беспредельные вибрирующие глубины, и словно поющим древнюю песню, известную еще младенцу-старiku в зимней коляске.

«В поезде ты как будто падаешь в затяжной обморок, в некое безвременье, где нет прошлого и будущего, старых ошибок и их последствий, местом, где можно все начать сначала» – что-то подобное говорила Леночка.

В этот раз все было не так. Теперь поезд стал для меня мрачной тюрьмой, гигантским катафалком, неумолимо приближающимся к месту окончательного суда, а вся его прошлая романтика стояла с немым укором перед недостойной душой, замаравшей свои, когда-то белые, одежды. *«Ты помнишь, какими прекрасными были, теперь это небо заполнилось гнилью. По черному космосу шел караван. Он шел, исчезая, сквозь звездный туман...»* – поется в одной моей старой песне, навеянной творчеством группы «Комитет Охраны Тепла». Мое внутреннее небо действительно затянуло гнилью, и было похоже, что уже навсегда.

«Буду ли я прощен?». Старичок не ответил. Если бы, если бы можно было все перемотать назад и переделать. Но время неумолимо несло вперед. Раньше казалось, что всегда есть выбор, что в той или иной ситуации можно было избрать тот или другой путь. Но при взгляде назад становилось понятно, что путь был только один – ведь все причины и следствия намертво сцеплены. Это принцип ряда. Вся жизнь как цепочка ошибок – чем дальше, тем хуже – как катафалк, стремительно несущийся в бездну.

Одно предательство неизбежно влечет другое, это та самая кармическая паутина, о которой говорил тогда Птица. Я пытался вспомнить хоть один хороший поступок, сделанный за свою жизнь, но тщетно – насколько хватало памяти, все было намертво схвачено – глупость цеплялась за глупость, грех за грех, и цепочка эта уходила куда-то в беспросветную мглу. Казалось, что я всю жизнь плыл по течению, сам того не зная, выполняя некую страшную программу. Ведь каждое действие несло свое следствие. *«Потому что, Андрюша, все упирается в мотивацию»* – словно надпись на немецком кладбище маячат строгие слова философа.

Поезд остановился. Белорусское небо, прежде прекрасное и бездонное, было похоже на надгробие, некогда так заманчиво шелестящие звезды теперь напоминали вколоченные намертво гвозди. Было душно, вся реальность казалась гробом, закопанным очень глубоко, из которого мне уже никак нельзя было выбраться. Да и куда убежишь от себя?

Каждый неправильный поступок, каждый неиспользованный шанс, оставляли гнойные раны в душе – что-то подобное я переживал во время прошлогодней поездки в Питер, но тогда угроза прошла мимо. Сейчас надежды на это было мало.

Снова и снова возникала сцена с жуком. В июле, во время велосипедной прогулки по Куршской косе я наблюдал странную картину: блестящий жук отчаянно барахтался в паутине, пока паук со зловещей уверенностью стягивал сеть. С каждым движением паука силы жука ослабевали, и, казалось, исход битвы предрешен. Возникла мысль: может быть, стоит помочь жуку? Но тут же ее перекрыла другая: зачем вмешиваться в кармические взаимодействия? Пусть все будет по мудрым законам природы. И вдруг жук, сделав какое-то титаническое движение, разорвал свои узы. Ошарашенный паук, по-видимому, еще не мог поверить произошедшему, в то время как героическое насекомое, сидя на цветке, торжественно поти-

рало лапы. И вот, как ни в чем не бывало, оно величественно взмыло и растворилось в небесной глади.

«Так и душа, так и душа, наверное, может порвать кармическую паутину. Но после того, как я отказался помочь жуку, мог ли я сам рассчитывать на помощь свыше?»

Черный Петр приближается

Наконец наше мрачное путешествие подходит к концу – нас встречает не менее мрачный Петроград. Бездонная затягивающая и пережёвывающая миллионы судеб дыра, частично принадлежавшая загробному миру, если верить поэту Андрею Белому. Мертвой удавкой стягиваются кольца окружной, словно капельницы над беспомощным телом торчат черные трубы, будто некое загробное пространство проплывает Купчино. Там, где-то вдали, нас ждет серый многострадальный дом, в котором через какой-то месяц произойдут невообразимо чудовищные события. Стремительно пронесится источающий даже летом мертвенный холод Обводный канал, за ним красный дом с впалыми окнами-глазницами, застывший в страшном нечеловеческом крике, словно увидевший нечто такое, что невозможно пережить

В столовой на Витебском вокзале я вручил Лене картонную тарелку и попросил записать мои хорошие качества. И вот что она записала:

- 1) Честность
- 2) Ум
- 3) Смелость
- 4) Доброта
- 5) Искренность
- 6) Глубина
- 7) Сострадательность...

Каждый пункт был похож на издевательство. *«Да что же это такое? Похоже на то, что она пребывает в каком-то параллельном мире, будто бы все эти четыре года она жила не со мной, а с выдуманном ею человеком».*

С вокзала мы отправились в Купчино, на квартиру к Ивану Лернеру. В первый наш приезд в Питер, мы познакомились с одним из представителей антропософского общества – еще в 60-х он подпольно издавал переводы доктора Штейнера²⁹, странного философа предлагавшего точное научное знание о духовном мире³⁰. За эту пропаганду он вскоре был вызван в КГБ и изгнан за пределы города. Иван представлял собой типичного питерского интеллектуала, из тех, чей портрет можно было нарисовать так: крошечная коммунальная квартира, и книги, книги, книги, насколько хватает глаз. И вот то крохотное пространство, что остается без книг – это и есть питерский интеллектуал. Таким был Лернер – вся его жизнь, как статуя, высеченная из великих истин – сплошные нравственные принципы, никакого эгоизма.

Станция Купчино, путь под мостом, бензоколонка, школа, серая 10-этажная коробка за зеленой полосой, старенький лифт, 10 этаж, сложная комбинация замков и вот мы снова в этой квартире! Год назад мы с нее начали свою одиссею по Питеру, сменив 5 мест и теперь снова вернулись сюда. И вот нас встречает знакомый типографский запах. Куда не кинешь взгляд, тянутся книги, сотни, тысячи книг. Еще недавно это было бы для меня раем, но теперь книги вызвали тревогу. Эти тексты напоминали омут, в который можно было ринуться с головой и уже никогда из него не выбраться.

---

²⁹ Рудольф Штейнер утверждал, что обладает точным научным знанием о духовном мире, которое доступно всякому искреннему исследователю, подобно тому, как знание о природе доступно естествоиспытателю. В настоящий момент собрание сочинений Штейнера насчитывает более 100 томов, затрагивающих астрономию, медицину, музыку, архитектуру, историю и фактически все сферы человеческой деятельности с особой «духовнонаучной» точки зрения.

³⁰ Свое учение Штейнер называл антропософией, считая, что оно дает всестороннее духовнонаучное знание о человеке. А. напоминает многочисленные восточные учения, гностицизм, теософию Блаватской и Рерихов, но предлагает гораздо более точное «знание» о духовной реальности. А. оказала серьезное влияние на поэта А. Белого и на серебряный век.

В единственной комнате, где едва можно было протиснуться, на стуле под портретом доктора Штейнера, лежал сюрприз. Арахисовые козинаки, пакет дорогого клюквенного морса, открытка с рыжим гномиком чем-то напоминающим хозяина квартиры. Рядом лежала записка:

«Дорогие Андрей и Леночка. Извиняюсь за бардак. Уезжал в спешке и не успел толком привести все в порядок. Я надеюсь, вы не осмелитесь меня обидеть и будете пользоваться всем, что вам понадобится – в шкафчике возле раковины чай, кофе, цикорий – все, что найдете ваше, в оконном проеме лежат сухофрукты. Буду очень благодарен, если иногда вы будете подбрасывать корм птичкам (на балконе я сделал для них кормушку). Ваш И. Л.»

– Какой же он все-таки милый, – будто из далекого прошлого звенит Леночкин голосок.

Просто невыносимо милый, – проносятся мрачные мысли, – *если бы только он знал, какую змею он решил пригреть на своей груди.*

Заглядываю в «портал» (так я называл маленькое пространство за шкафом, служившее Ивану спальней). Там все те же скорбные лица икон осуждающе глядят на меня.

Из-под груды книг раздается звонок, кое-как нахожу трубку, оттуда раздается утонченный голос Лернера (как будто он за нами следил):

– Андрей?

– Да, Иван! Рад вас слышать.

– Я сейчас из Дорнаха³¹ звоню, здесь очень дешевая связь. Но к делу. Как вы добрались? Все ли хорошо у вас?

– Да, в целом все хорошо, только у меня вот какая-то августовская депрессия. Наверное, это укоризненный Уриил сверлит взглядом из облаков³²

– Вы меня удивили. Никак не ожидал от вас подобных настроений. Да и время Уриила уже закончилось. Вы же знаете – сейчас только завязывается битва Михаила с Драконом³³, время собрать всю свою волю в кулак. Начинается эпоха мужества и сейчас вы должны стать надежной опорой для Леночки. Но к делу. У меня в оконной раме, рядом с сухофруктами лежат хорошие гомеопатические капли. Их разработали антропософские врачи по указаниям Доктора³⁴. Они очень тонким образом действуют на эфирное тело, восстанавливая его связь с астральным телом и «Я»³⁵. Когда у моей бывшей жены были проблемы (а там такой ужас был, что страшно представить), я ей возил их, и она только ими и спасалась. Так что запишите – авось вам они тоже помогут.

– Да ладно, не стоит, я как-нибудь уж своими силами.

– Ну, смотрите, это дело запускать нельзя. Вы же не только о себе, но и о супруге должны думать. Ну да ладно. Я вот что вам хотел сказать. В соседней квартире живут молодые люди – брат с сестрой, они появляются достаточно редко, но на всякий случай, если вдруг вы столкнетесь, скажите, что Иван в Москве, а Лена – моя племянница. Можете ли вы пойти на такое лукавство?

– Смогу, – *ох, да разве же это лукавство? Если бы он знал, на что я способен. Каждое слово, колет как игла.*

– Вот и замечательно. И еще небольшая просьба: вы не могли бы сложить фотографии и репродукции из «портала» (или как вы это там называли?) в аккуратную стопочку?

– Да, конечно.

³¹ Дорнах является столицей антропософского общества.

³² По антропософской науке, каждым временем года управляет определенный Архангел. Летом это Уриил, наблюдающий духовным взглядом из эфирной субстанции летних облаков и олицетворяющий мировую совесть.

³³ Согласно доктору Штейнеру, каждую осень северное полушарие духовно переживает битву между светлыми и темными мировыми началами, которая в его символике соответствует апокалиптической битве Михаила с драконом.

³⁴ Так в антропософских кругах называли Штейнера.

³⁵ По антропософским представлениям человек является своего рода матрешкой, состоящей из физического, эфирного, астрального тела и «Я».

– Спасибо вам. Я очень рад, что моя квартира под надежным присмотром. Ну что вам еще сказать? Дракон приближается. Мужайтесь.

В нервном оцепенении я положил трубку. Из беспросветной груды книг на меня глядело инопланетное лицо доктора Штейнера, каждая черточка которого как будто обозначала след от нечеловеческой духовной борьбы. На кухне была другая его фотография, сделанная в молодости – обыкновенный интеллигентный молодой человек в очках, лицо-одуванчик, ничем не предвещавшее грядущих сверхъестественных потрясений. За какие-то пару десятков лет облик изменился до неузнаваемости, превратившись в изъеденного мудростью старца. В какую бездну заглянул этот человек, какие великие и быть, может быть, страшные тайны открылись ему, так исказив его лицо? Иногда казалось, что его глаза будто некие доисторические птицы пытались взмыть с изборожденной морщинами кожи, на что-то воодушевляли, призывали вверх, к битве, к духовному подвигу, без которого никак невозможно преодолеть плен затягивающей как болото материи, а иногда они гипнотически заглядывали вовнутрь с холодным презрением и осуждением, словно читая меня насквозь. *Интересно, может ли душа Штейнера летать сейчас где-то рядом?*

– Ты чай или цикорий будешь? – звенит из кухни Леночкин голосок.

Мы сидим в крохотной заставленной книгами кухне, над холодильником висит репродукция Сикстинской мадонны (она нас как будто преследует!), пьем горячий напиток, закусывая хозяйскими сухофруктами. Так начинается очередной виток Питерской одиссеи, и опять, как и тогда стягиваются мрачные тучи в душе, опять ждет кровавая битва с драконом. Однако шансы выкрутиться на этот раз приближаются к нулю, а силы уже как будто на исходе.

За окном открывался вид на бескрайние каменные джунгли: недостроенная многоэтажка, заставленная кранами, а за ней современный трехуровневый дом, словно три ступеньки обрывающейся лестницы в небо. Он напоминал мне о чем-то печальном и очень знакомом.

«И так будет, так будет, Андрюша, если ты так ничего не поймешь...» – шепчет печальный голос среди мыслей.

А где-то вдалеке, будто некий внеземной корабль, спустившийся с неба прямо в центре Питера, стоял Исакиевский собор, за которым струилась туманная, будто затягивающая в преисподнюю Нева, а между ними медный Петр, застывший в молчаливой битве со змеем.

Битва с Драконом

Когда в июне мы возвращались на поезде из Питера в Калининград, я был разбужен укоризненным, но дружелюбным голосом:

«Ах, Андрюша, Андрюша, вот тебе и 26. А ты все наступаешь на те же самые грабли...»

А Лене той ночью приснился знаменательный сон. Будто есть некий печальный клоун, который лежит в сумасшедшем доме и очень ей нравится. Ей говорят, что клоун очень опасен, и ей надо от него держаться подальше, но она не может отказаться от него. И вот прилетает белый дракон с красными глазами и острым клювом. Им он яростно терзает клоуна, тот валяется уже весь в крови, почти при смерти. И тут вступает в битву Леночка. Она хватается за дракона за клюв и сворачивает его. Дракон улетает.

А клоун поднимается из кровавой лужи, обменивается с ней обручальными кольцами и говорит: «теперь мы с тобой друзья». Затем он превращается в меня.

С помощью юнговских терминов, я легко ей растолковал сон тогда.

Битва с драконом является универсальным архетипом, отображающим духовную борьбу за обретение своей самости или индивидуацию³⁶. Красной нитью он проходит через всю человеческую культуру: от битвы Мардука с Тиамат³⁷ до медного Петра, сражающегося со змеем; от сражения Иванушки Дурачка со змеем Горынычем до грандиозной войны между Архангелом Михаилом и драконом в библейской книге Апокалипсис. Отголосок этого сюжета можно найти даже на пятидесятикопеечной монете.

Герой должен победить дракона и лишь после этого может обрести заветную мечту – принцессу, сокровище, царство и т. п. Согласно Юнгу это все эти сюжеты связаны с обретением полноты (по гречески Плеромы). Царство и сокровище обозначают «высшее Я» или самость, а обретение второй половинки – формирование нового совершенного человека, лежащего за пределами всех противоположностей, космического Андрогина, включающего в себя мужское и женское начало³⁸.

Таким образом, все признаки индивидуации были на лицо, однако сон все-таки не был стандартным.

Необычно уже то, что героем является жалкий клоун из психиатрической больницы³⁹. Дракон его фактически забивает и тут в дело вмешивается хрупкая принцесса – изящным движением она откручивает дракону нос, после чего они с клоуном становятся друзьями. Удивительно и то, что сон как будто указывал на последнюю стадию процесса – обретение целостности, но я не думал, что Лена достигла таких высот.

Таким образом, хотя все символы были прозрачны и близки, все было причудливо перепутано и связь сна с реальностью была совершенно не ясна. Все это перекликалось и с тем, что говорил Штейнер о осенней битве Михаила, хотя картина мира и методы доктора существенно отличались от юнговских.

Может быть, каждый из них прикоснулся к одной и той же истине с разных сторон? – спрашивал я себя.

---

³⁶ Индивидуация – по Юнгу, путь обретения психологической целостности, посредством соединения противоположностей: мужского и женского, света и тени и т. д.

³⁷ Боги шумеро-аккадской мифологии. Мардук символизировал светоносное начало сотворившее мир. Тиамат, часто изображавшаяся в виде дракона – первичный мировой хаос и зло, противостоящие ему.

³⁸ О том, что первый человек был двоеполым пишет Платон в диалоге «Пир», по мнению каббалистов, таким человеком являлся первый человек – Адам Кадмон. Подробные рецепты о том, как стать гермафродитом можно найти в книгах Густава Майринка.

³⁹ Здесь он сливается с двумя другими архетипами – шутом и дураком, шагающим прямо в пропасть, к крокодилу (нулевой аркан Таро).

Ясно было только одно: этой осенью мне предстояла страшная кровавая битва с драконом, битва исходом которой могла быть только смерть одного из участников. При этом я уже был почти как тот обескровленный шут.

Но мне ничего не оставалось, как взять свою волю в кулак, словно кусок железной руды, найденный в Пражском зоопарке⁴⁰. и нанести страшный нечеловеческий удар по дракону, питающемуся моей ленью и трусостью. В противном случае клоуна ждет полное банкротство, та самая инфляция, о которой говорил Карл Юнг⁴¹. В общем, действительно, «кто нам поможет, если не мы сами», как любил говорить Толик Гусляр. После того как я не помог жуку на Куршской косе, это звучало как приговор: я не чувствовал морального права обращаться к вышестоящей силе, расхлебывать все нужно было самому. Одним ударом обоюдоострого меча сваренного из железной воли, нужно было отрубить дракону все головы: поиск денег, написание диссертации, исцеление Леночкиного горла, и самое сложное – обретение мира с собственной совестью. Все это звучало как сказка, но ничего другого не оставалось.

Как ошпаренный я выскочил из «портала», где даже днем висит густая темнота и укоризненно глядят грустные иконы, принял боевую стойку и начал «битву с драконом».

Сделав 10 отжиманий от пола, я обзвонил родителей учеников, с которыми мы весной договаривались продолжать занятия. Ничего обнадеживающего они не сказали – мол, мы вам позвоним, когда определимся. С самого начала все шло не так, как я планировал. Денег в ближайшие дни не предвиделось.

Включаю компьютер, чтобы, наконец, взяться за диссертацию по теме «Философские основания творчества Льва Гумилева»⁴². Однако перед этим не удерживаюсь и открываю заветную так и недописанную книгу:

«И тогда ты поймешь, куда вела эта спираль. Откроется сокровенная дверка и за ней ты увидишь множество лиц, многие из которых ты мечтал бы никогда не увидеть. Тех, кто связан с тобой неразрушимыми узлами. Перед которыми тебе нужно будет дать ответ».

Меня встречают загадочные строчки из незаконченной книги, приписанные мной Птице. Интересно, имеют ли они какое-то значение?

Машинально листаю книгу Фридриха Ницше «Так Говорил Заратустра»:

«Мужество – лучшее смертоносное оружие, – мужество нападающее: оно забивает даже смерть до смерти, ибо оно говорит: „Так это была жизнь? Ну что ж! Еще раз!“ Но в этих словах громко звучит победная музыка. Имеющий уши да слышит.»

Все это знакомо мне и очень-очень странно.

«От мгновенья уходит длинный, вечный путь назад: позади нас лежит вечность. Не должно ли было все, что может идти, уже однажды пройти этот путь? Не должно ли было все, что может случиться, уже однажды случиться, сделаться, пройти? .... – и не должны ли мы вернуться и пройти

⁴⁰ По Штейнеру, Дракон-Ариман боится железа и тогда в зоопарке, отчаянно пытаюсь найти выход, я взял его в качестве амулета.

⁴¹ Под инфляцией Юнг понимал необоснованное раздувание человеческой персоны, которое неизбежно приводит к последующему сдуванию и падению.

⁴² Лев Гумилев – русский историк, автор теории пассионарности, о особом типе биохимической энергии, являющейся скрытой причиной исторических процессов. Изначально я планировал писать диссертацию по П. Флоренскому, но так уж вышло, что стал писать про Л.Г. и его теорию пассионарности.

этот другой путь впереди нас, этот длинный жуткий путь, – не должны ли мы вечно возвращаться.»⁴³

О чем же Ницше хотел здесь сказать?.. Неужели действительно?..

«Я увидел молодого пастуха, задыхавшегося, корчившегося, с искаженным лицом; изо рта у него висела черная, тяжелая змея. Видел ли я когда-нибудь столько отвращения и смертельного ужаса на одном лице? Должно быть, он спал? В это время змея заползла ему в глотку и впилась в нее. Моя рука рванула змею, рванула: напрасно! она не вырвала змеи из глотки. Тогда из уст моих раздался крик: «Откуси! Откуси! Откуси ей голову!»

Наконец добираюсь до Льва Гумилева.

«Жизнь на каждом шагу. И ради этого из Бездны в Мир пробиты черные дыры, каждая из которых называется «личным сознанием». Хорошо бы поставить на них заслонки, именуемые «совестью»

Но когда памятник культуры (дворец, сад, картина и т.п.) или природы (лес, озеро, стадо бизонов) уничтожается и не заменяется ничем, то это уже не развитие, а его нарушение, не система, а антисистема. Руины или трупы не могут ни развиваться, ни сохраняться, для потомства. Динамика сменяется статикой, жизнь – смертью, изменение структуры – аннигиляцией.

Антисистема подобна популяции бактерий или инфузорий в организме: распространяясь по внутренним органам человека или животного, бактерии приводят его к смерти...» Лев Николаевич Гумилев. «Этногенез и биосфера земли»

Антисистема. Как будто про меня все написано.

---

⁴³ Идея циклического времени или вечного возвращения встречается не только у Ницше, но и в многочисленных архаических религиях, в индуизме, у Платона. В своей предельной форме она означает, что все что происходит сейчас уже повторялось и будет повторяться бесконечное количество раз.

«Там ты снова сможешь встретить ее»

02.09.13

Снятся тревожные сны: в очередной раз воскресает умерший в 2002 году, от непонятно откуда взявшейся лейкемии Отец, презрительно смотрит на меня, как будто даже не узнает. Его внимание обращено на Лену: — *Девочка, что с тобой? Ты беременна? Чем я могу тебе помочь?* – спрашивает он как-то обреченно. В одном из снов Лена прыгает с балкона, а я каким-то чудом ловлю ее. В другом я захожу в военкомат – он напоминает то ли космический корабль, то ли огромный самогонный аппарат. Прохожу медкомиссию и меня признают негодным по причине болезни живота. Я ее симулировал. Вдруг все отматывается назад, и я снова вхожу в военкомат, снова прохожу комиссию и на этот раз ничего не говорю про живот. Меня принимают служить. Я открываю дверь со знаком уробороса⁴⁴, прохожу по некоему спиралевидному тоннелю и выхожу через другую дверь. Теперь обстановка на улице совсем другая: гастроном, красные флаги, люди с шариками – все как во времена перестройки. Красивая девушка похожая на Лену стоит где-то вдалеке. И чей-то голос говорит из-за плеча: *«там ты снова сможешь встретить её»*. Получается что военкомат был чем-то вроде машины времени.

Заранее зная, что сегодня ничего не напишу, включаю Интернет. Птица прислал картинку: перед Сикстинской мадонной окрашенной черной рамкой стоит черепашка-ниндзя по имени Рафаэль, озадаченно разводя руками...

Пытаясь тянуть время, уныло торможу компьютер.

Почему-то вспоминается сон, который видел перед прошлогодним отъездом в Питер. Ночь. По центральной улице города («zu dem Tod», наверное) стремительно катится гроб. Я просто стою и жду, пока он не останавливается у моих ног. В гробу я вижу крошечную куколку, обвязанную веревочкой, к которой привязаны две палочки. Я беру куколку и иду с ней перпендикулярно улице – куда-то в сады. Вскоре становлюсь мокрым от росы. Начинает рассветать. Отчаянно думаю, о том что же мне делать с куколкой и в этот момент две палочки складываются крестом⁴⁵. Я понимаю, что должен ее распять.

P.S. Интересно, что Лене, примерно в это время также приснилась машина времени – будто бы все мужское население, в срочном порядке, мобилизуется на войну, она их провожает, а меня уговаривает остаться. Затем появляется какой-то чудак, он говорит, что изобрел машину времени, которая могла бы всех спасти, но его никто не слушает.

---

⁴⁴ Уроборос – змея кусающая свой хвост, древний оккультный символ.

⁴⁵ По Юнгу, куколка является очевидным образом Анимы, как и принцесса.

Станция «Дно Болото»

– Следующая станция – «дно болото»⁴⁶, – написал за 2 месяца до этого Птица в контакте. Я все лето пытался понять, чтобы это значило и вот только теперь, кажется начал прозревать...

Эта станция преследовала меня все лето, став нежеланной, но неминуемой целью назначения и теперь, по-видимому, я на нее приехал.

Птица прислал сообщение с просьбой прислать фотографии из Праги, наконец, я решился ему ответить:

Андрей

А я застрял на станции дно-болото, очень конкретно, поэтому
и отмалчиваюсь...)

31.08.13

Птица

у этой станции есть еще дно, а там ветка метро в верхний мир

01.09.13

правда к входу ведет лабиринт...

Как же я угодил на эту станцию? Я ведь только и думал о том, как туда не попасть. А сам, оказывается, только и делал, что стремительно неся туда, как тот младенец в роковой подвал. Я уже не могу ничего контролировать. Вина распространяется стремительно как инфекция. Не остается сил ни на что, кроме бесконечных угрызений. Боже мой, сделал ли я за всю свою жизнь хоть что-то правильно? Кажется, весь мой путь устелен ошибками, как этими больными листьями с черными пятнами, которых с каждым днем становится все больше на улице. Этой осенью их так много, как будто природа отражает мое внутреннее состояние.

Со мной начинают происходить странные вещи – каждое утро я просыпаюсь в холодном поту, с уверенностью, что повинен еще в одном преступлении. Как будто некий внутренний прокурор показывает мне, что я виновен в том или в другом. Словно из-за одной только связи со мной у людей начинались проблемы и болезни, даже лейкемия у отца будто бы развилась из-за меня... Это кажется бредом, я не хочу в это верить, но прокурор говорит прямо в душу, будто некие печати ставит. Как бы не бился рассудок в конвульсиях, душа все больше заполняется тяжестью и ядом. Такое ощущение, что она при смерти. Может быть, она и есть та куколка в гробу из сна? Юнг называл душу анимой и считал, что она появляется в бессознательном через женские образы. Как бы то ни было, нужно что-то делать. Иначе дракон просто съест принцессу. Но душа, словно муха в паутине – с каждым рывком паука, становится все слабее. Каждый вечер приходит необъяснимая тупая радость – мне кажется, что все хорошо, что все, о чем я думал весь день – это кошмарный сон, который должен вот-вот пройти. Каждый раз перед засыпанием я верю, что утром все это рассыплется, и я проснусь в новую счастливую жизнь. Но каждое утро приходит очередное обвинение от внутреннего прокурора, и свинцовая тяжесть заполняет душу. Я отчаянно пытаюсь биться с драконом – встаю рано, отжимаюсь, сажусь за диссертацию, но сил становится все меньше и меньше. Я теряю способность к какой либо осмысленной деятельности, рву на себе волосы, плачу, бью себя кулаками, но ничего не помогает. К трем часам приходит Леночка, вечером опять наступает бессмысленная радость, утром – очередная доза вины. Это вечный космический маятник – Люцифер и Ариман⁴⁷ (два рабовладельца?). И, если верить Штейнеру, есть только одна сила способная

---

⁴⁶ Птица взял этот образ из японского мультфильма «Унесенные призраками».

⁴⁷ Согласно Рудольфу Штейнеру, в космической эволюции действуют две враждующие, но в равной степени вредные для человечества силы, которые он называл люциферианскими и ариманическими. Упрощенно Л. является источником гордости и тянет человека в запретные духовные выси, в то время как А. производит низменные инстинкты и привлекает человека

его уравновесить. Но кажется я ее потерял. По-видимому Доктор оставил за скобками страшную тайну – если личность утратит Христа, как некую стержневую уравнивающую силу, она обречена на авторежим – вечные колебания между двух зол. И вот это, по-видимому, и есть «станция дно болото»

Как-то вечером, в очередной раз тщетно пытаясь найти ответ в Интернете, я наткнулся на свою старую заметку посвященную священнику, философу и математику Павлу Флоренскому.

Андрей Сафонов «Павел Флоренский, Георг Кантор и проблема творчества в математике».

«Пространственно-временные модели Флоренского изучены достаточно хорошо, далее мы остановимся лишь на одном моменте – загадочной точке перехода, между действительным и мнимым, между физическим миром, и миром сверхсветовых скоростей, между сном и явью, точке которую символически можно обозначить местом переворота Дантовских героев, в которой тело выворачивается через себя:

«мы наглядно представляем себе, как, стянувшись до нуля, тело проваливается сквозь поверхность – носительницу соответственной координаты, и выворачивается через самого себя, – почему приобретает мнимые характеристики.» [10,48]

*Идея переворота совершаемого на духовном пути также является архетипической, можно вспомнить, например, германского Одина, провисевшего вниз головой 9 дней на мировом древе **Иггдрасиль**. Однако нас далее будет интересовать другой вопрос: какова природа этой точки...»⁴⁸.*

Господи, да понимал ли я сам, то что писал?

Звонила мама:

– Как дела, сыночек?

– Да, ничего... нормально, – говорю механическим голосом.

– Как твоя диссертация?

– Пишу...

– А я хотела сказать, что приходила женщина и принесла тебе повестку в военкомат. Я ей сказала, что ты учишься. Она говорит, что они в курсе, надо только принести справку.

– Угу...

– Мне снился сон про тебя. Будто бы ты снова маленький мальчик, ходишь по маленькой комнате, и тебе хотят ставить оценки, но ставить будут не учителя, а ученики.

– Мишка⁴⁹, а как ты думаешь, что будет, если человек всю жизнь руководствуется только эгоистическими мотивами?

– Только эгоистическими? Ну такого, наверное, не бывает...

– Ну а все же, если допустить это?

– Всю жизнь только эгоистическими мотивами? Но это было бы полным безумием... Я думаю, это хуже смерти. Я имею ввиду, что для меня это хуже смерти...

к земному. Единственная сила, которая способна, по Штейнеру, уберечь человечество от двух крайностей – это Иисус Христос. Но Иисус у Штейнера это не Бог, как в христианском Символе Веры, а некий великий солнечный дух, ведущий за собой человечество.

⁴⁸ Эта статья реально опубликована на сайте «deja vu». Павел Флоренский писал о том, что траектория Дантовского пути представляет из себя трехмерный аналог листа Мебиуса, т.е. в некой точке выворачивается наизнанку, таким образом что внешняя сторона совпадает с внутренней. Меня очень интересовала эта точка, как символ перехода от внешнего мира к внутреннему. Подобные представления можно найти также у исламского мистика Сухраварди или у того же Штейнера.

⁴⁹ Так я называл маму.

Мария

09.2013 Пытался устроить пост, дабы хоть как-то дисциплинировать волю и утихомирить совесть. Но к обеду не выдержал и наелся как свинья. Ездил на станцию «Академическую», к новому ученику, с огромным трудом объяснял материал, голова почти не работала. Безумный попугай в коридоре издавал истошные крики, будто из самой преисподней. По дороге домой заглянул в «Пятерочку», купил шоколадку и вишневый рулет. Выйдя из магазина, заметил сгорбленную старушку, еле ковылявшую вслед за мной. Она заинтересовала меня тем, что была очень похожа на проводницу из сна, на которую когда-то накинулся с требованием счастья. Вот она заходит в банк. Хочу войти за ней, но, немного подумав, решил подождать ее за углом. Решаю для себя, что если, выйдя, она повернет направо, то я подойду к ней. Наконец она появляется. После небольшого колебания, она поворачивает направо. Сердце отчаянно бьется, боясь упустить шанс, бросаюсь к ней – «Это вам!» – протягиваю маленькую шоколадку, немного подумав, добавляю рулет – «И это».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.